

Письмо без адреса

Иногда письмо
находит адрес не сразу.
Сначала оно просто
учит сердце ждать.

ВЯЧЕСЛАВ
КОСОНОВ

Вячеслав Косоногов

Письмо без адреса

«Автор»

2026

Косоногов В. Е.

Письмо без адреса / В. Е. Косоногов — «Автор», 2026

В старой книжной лавке Анна прячет между страницами книги без обложки записку, которую не решилась бы кому-нибудь отправить. Через несколько дней она находит ответ. Анна не знает имени человека, который ей пишет, а он не спрашивает её адреса. Между ними — только бумажные полоски, дождливые вечера и слова, которые легче оставить в книге, чем произнести вслух. Постепенно эта переписка становится для Анны местом, где ей не стыдно молчать и не страшно быть услышанной. Но чем ближе становится незнакомец между страницами, тем труднее не задумываться: что произойдёт, когда письмам всё-таки придётся найти настоящий адрес?

© Косоногов В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вячеслав Косоногов

Письмо без адреса

Пролог

Иногда письмо находит адрес не сразу. Сначала оно просто учит сердце ждать.

В книжную лавку Анна заходила по вечерам.

Не каждый день.

Только тогда, когда тишина внутри становилась слишком большой и возвращаться с ней домой одной было трудно.

Лавка пряталась в переулке неподалёку от гавани. Даже весной воздух здесь оставался прохладным, пах мокрым камнем, солью и угольным дымом. Узкое окно у входа часто запотевало изнутри, будто книги за стеклом дышали своим медленным бумажным теплом.

Над дверью висел колокольчик.

Он звенел негромко, почти смущённо, словно извинялся за каждого вошедшего.

Хозяин лавки давно привык к Анне.

Мистер Бейкер был седым, немного сутулым, с мягкими руками человека, который много лет прикасался к бумаге, ткани переплётов и чужим вещам, оставленным на продажу. Он уже не спрашивал, что ей нужно. Только поднимал глаза от счетов, кивал и позволял пройти дальше — туда, где стояли стихи, дневники и письма людей, давно умерших, но всё ещё не закончивших говорить.

Перед тем как открыть книгу, Анна снимала перчатки.

Даже если в лавке было холодно.

Сначала правую.

Потом левую.

Складывала одну в другую, расправляла большой палец, проводила ладонью по шву.

Этот маленький порядок был ей необходим.

Он не успокаивал по-настоящему, но давал рукам занятие. Помогал скрыть спешку. Снаружи они выглядели спокойнее, чем она сама.

Анна приходила не совсем за чтением.

То есть читать она любила.

Иногда книги спасали её. Иногда просто давали место, где можно было спрятаться, не объясняя, от кого именно.

Но сюда она шла не за сюжетом.

В глубине лавки, у стены с поэзией, стоял узкий столик. На нём лежали карандаш, нож для бумаги, несколько картонных закладок и моток тонкой бечёвки.

Рядом всегда находилась старая книга без обложки.

На корешке не осталось названия. Переплёт вытерся до серого, страницы пожелтели, а в середине несколько листов отходили от нитей. Мистер Бейкер много раз переставлял книги вокруг, но эту почему-то не убирал.

Она лежала на одном и том же месте, будто не продавалась.

Будто ждала.

Именно в ней Анна однажды оставила первую записку.

Без подписи.

Без даты.

Без адреса.

Это случилось почти случайно.

Целый день в ней жила одна фраза.

Колкая.

Тихая.

Упрямая.

Такие слова трудно произнести вслух. Стоит услышать их собственным голосом — и они становятся слишком настоящими. Будто ты не просто подумал о боли, а признал за ней право существовать.

После работы Анна зашла в лавку, сняла перчатки и долго стояла перед старой книгой.

Потом взяла картонную закладку, перевернула её чистой стороной и написала:

Иногда мне кажется, что я опоздала к собственной весне.

Она перечитала строку.

Сразу захотелось зачеркнуть.

Слишком жалобно.

Слишком открыто.

Слишком похоже на просьбу, хотя просить она ни о чём не собиралась.

Анна сложила бумагу вдвое и спрятала между страницами.

Почти со стыдом.

Будто оставила там не записку, а часть себя, которую следовало унести обратно.

Несколько дней она не приходила.

Говорила себе, что забыла.

Что фраза ничего не значила.

Что никто её не найдёт, а если найдёт — решит, что это старая закладка, случайно оставленная прежним владельцем.

На четвёртый вечер Анна всё-таки свернула в знакомый переулок.

Шёл мелкий дождь. Он оседал на волосах и не стекал, а держался холодными точками. В лавке пахло пылью, старым клеем и чем-то едва сладким — вероятно, отсыревшей бумагой.

Мистер Бейкер переставлял книги на нижней полке.

Он не взглянул на неё.

Анна была благодарна ему за это.

Она прошла к столику.

Сняла перчатки.

Одну в другую.

Большой палец расправить.

Шов пригладить.

Только после этого открыла книгу.

Между страницами лежала записка.

Но не её.

Новая полоска бумаги была вырезана неровно. Один край оставался чуть шире другого. Почерк — спокойный, с лёгким наклоном вправо. В нём не было ни спешки, ни старания понравиться.

Только буква «в» каждый раз выходила неровной, словно рука ненадолго задерживалась на ней.

Весна редко приходит в тот день, когда её ждут. Но от этого она не становится чужой.

Анна перечитала строку.

Потом ещё раз.

За окном всё так же шёл дождь.

Мистер Бейкер передвигал книги.

Кто-то остановился у витрины, посмотрел на ценники и прошёл дальше.

Ничего особенного не произошло.

И всё же ей показалось, будто в комнате, где было зябко, кто-то тихо прикрыл окно от сквозняка.

Она унесла записку с собой.

Вечером положила её в ящик письменного стола, под конверты и квитанции. Утром пере-ложила в книгу, которую читала в трамвае. Потом испугалась, что потеряет, и снова спрятала в ящик.

Через два дня написала ответ.

Не сразу в лавке.

Сначала составила его дома, на хорошей бумаге. Потом решила, что хорошая бумага выглядит слишком серьёзно, и переписала на обороте старого объявления.

Сегодня я весь день говорила как обычно, а чувство было такое, будто хожу по тонкому льду.

Записку она снова оставила в старой книге.

Ответ появился через два дня.

Тонкий лёд тоже держит, если идти медленно.

Анна улыбнулась.

Не широко.

Не так, чтобы это заметил мистер Бейкер.

Просто уголок рта чуть дрогнул, и внутри что-то стало мягче.

С того вечера она начала писать.

Не о самом страшном.

До самого страшного между ними ещё лежало слишком много пустых страниц.

Она писала о малом.

О том, что труднее всего объяснить людям, когда они спрашивают: «Что случилось?» — и ждут простого ответа.

Иногда я боюсь привязаться даже к хорошему, потому что хорошее умеет уходить тише всего.

Через несколько дней между страницами появилось:

Хорошее не всегда уходит. Иногда оно просто долго не решается остаться.

Анна написала:

В детстве мне казалось, что, если в доме горит лампа, никто не может быть совсем один.

Ответа не было почти неделю.

Она приходила в лавку трижды.

Каждый раз открывала книгу медленно, будто отсутствие записки можно было не заметить, если не торопиться.

На седьмой день между страницами лежала новая полоска.

Наверное, поэтому люди и зажигают свет не только для себя.

Анна не знала, кто ей пишет.

Иногда ей представлялась женщина старше неё. Спокойная, с усталыми руками, пережившая всё то, чего Анна ещё только боялась.

Иногда — мужчина.

Не громкий.

Не слишком уверенный в себе.

Человек, который бережёт слова не потому, что знает их мало, а потому, что слишком хорошо понимает их вес.

Но чаще всего это был просто кто-то.

Чьё присутствие не требовало лица.

Без лица легче открывать сердце.

Ты не видишь, как человек меняется, услышав правду о тебе. Не замечаешь короткого движения бровей, заминки перед ответом, слишком быстрого взгляда в сторону.

Не успеваешь принять чужое молчание за осуждение.

Бумага принимала признание спокойно.

Давала время.

Не заставляла защищаться от чужой реакции прежде, чем ты успел понять собственную.

Весна в тот год подступала медленно.

Дождь почти каждый вечер шёл со стороны гавани. Переулок темнел, стены домов становились чёрными от воды, в водосточных трубах глухо ворочался мусор.

Но у окна лавки появился деревянный ящик с ветками.

Мистер Бейкер принёс их откуда-то утром и поставил в воду. На ветвях виднелись маленькие тугие почки — такие скромные, будто и они не были уверены, что им позволено раскрыться.

По вечерам на стекло падал тёплый свет.

Тени ветвей дрожали на полу между полками.

Однажды Анна пришла в дождь и задержалась дольше обычного.

В лавке было настолько тихо, что слышно было, как вода редкими каплями падает с карниза. Мистер Бейкер ушёл в подсобку. Половицы под шагами почти не скрипели.

Анна открыла книгу.

В этот раз внутри лежал не ответ.

Только вопрос.

А что для вас значит дом?

Она замерла.

Потом оглянулась.

Будто человек, написавший это, мог стоять совсем рядом — у полки с письмами или возле окна, делать вид, что рассматривает корешки, и ждать, откроет ли она эту осторожно оставленную дверь.

Вокруг никого не было.

Только запах бумаги.

Дождь.

Бледный свет на столе.

Анна села.

Впервые за всё время не унесла вопрос домой. Положила записку рядом, взяла карандаш и долго смотрела на чистую полоску.

Дом.

Она помнила несколько домов.

Квартиру родителей, где нельзя было закрывать двери слишком громко.

Комнату, которую снимала после их смерти.

Дом, в который когда-то собиралась переехать после свадьбы и где заранее выбирала занавески, пока человек рядом постепенно учил её сомневаться в каждом собственном чувстве.

Ни одно из этих мест не ответило бы за неё.

Анна написала:

Дом — это место, где тебе не стыдно молчать.

Остановилась.

Провела пальцем по краю бумаги.

И добавила:

А для вас?

На следующий день она пришла слишком рано.

Почти сразу после работы. Не зашла домой, не сменила туфли, не поправила волосы перед зеркалом. В пальцах ещё держался холод улицы, а в кармане лежали перчатки, которые она забыла надеть.

Книга была на месте.

Ответ уже ждал.

Дом — это там, где о твоём молчании не начинают тревожиться слишком быстро. И не обижаются на него.

Анна читала медленно.

Первую строку.

Вторую.

Потом снова первую.

Слова были бережными. Но под этой бережностью слышалось что-то ещё — не просьба оставить человека в покое, а усталость от необходимости говорить раньше, чем слова становились безопасными.

Она коснулась бумаги кончиками пальцев.

По ту сторону записок был не просто добрый голос.

Был человек.

Со своими паузами.

Со своими причинами не отвечать сразу.

Со своим представлением о безопасности, которое, возможно, совсем не походило на её собственное.

Анна ещё раз провела пальцем по краю записки.

Ей стало теплее.

С того дня их переписка изменилась.

Раньше они оставляли слова в пустоте, как письма, доверенные ветру.

Теперь в них появилось ожидание.

Не тяжёлое.

Не тревожное.

Почти светлое.

Они по-прежнему не спрашивали имён. Не говорили о возрасте, работе, прошлом. Не касались ничего, что могло разрушить хрупкую форму их близости.

Но начали узнавать друг друга по мелочам.

Анна написала:

Я люблю чай, когда он уже почти остыл. Горячее всегда обжигает меня, но я почему-то каждый раз забываю подождать.

Ответ:

Я читаю последние страницы книги медленнее первых. Будто хочу дать ей немного больше времени побыть со мной.

Она призналась:

Мне трудно рядом с громкими людьми. Даже если они добрые.

Ей ответили:

Мне тоже. Шум часто не замечает боли.

Иногда записки появлялись каждый день.

Иногда между ними проходило двое или трое суток.

Анна училась не считать паузы отказом.

Не всегда получалось.

Однажды она зашла в лавку, увидела пустые страницы и провела остаток вечера, повторяя себе, что другой человек имеет право не прийти. На следующее утро нашла записку там, где обычно лежали перчатки: она сама машинально унесла её домой вместе с ними и не заметила.

Анна долго сидела у края кровати, держа бумажную полоску на ладони.
Ей было одновременно смешно и стыдно.

Записка гласила:

Иногда молчание означает только то, что человек пока не нашёл слов.

Она не знала, было ли это случайным ответом или незнакомец каким-то образом догадался, что ей нужно именно сейчас.

В лавке она написала:

А если слова не найдутся?

Ответ появился вечером следующего дня:

Тогда, наверное, стоит оставить хотя бы знак, что их всё ещё ищут.

Эту записку Анна не унесла домой.

Положила обратно в книгу.

Ей нравилось знать, что она ждёт там.

Однажды, сама удивившись собственной честности, Анна написала:

Мне кажется, я стала ждать вечеров слишком сильно. Это глупо?

В этот раз ответ был совсем коротким:

Нет. Всё нежное сначала кажется глупым. И только потом — необходимым.

Слово «нежное» она носила с собой весь вечер.

Потом следующий день.

Потом ещё дольше.

Оно ничего не требовало.

Ничего не обещало.

Но рядом с ним становилось теплее, как рядом с тонкой чашкой, в которой ещё держится чай.

Через несколько дней лавка оказалась закрыта.

На двери висела табличка:

ВЕРНУСЬ ЗАВТРА

Анна остановилась перед ней.

День был серым, без дождя, но с тем особым светом, от которого всё кажется промокшим изнутри. За тёмным стеклом невозможно было разглядеть ни столик, ни книгу, ни ветки у окна.

Она постояла несколько минут.

Потом прошла до конца переулочка.

Вернулась.

Табличка не изменилась.

Ей стало не по себе.

Слишком сильно для такой маленькой случайности.

От этого она смутилась ещё больше.

Мистер Бейкер мог заболеть.

Мог поехать за книгами.

Мог просто закрыть лавку на один день, не подозревая, что кто-то выстроил вокруг её вечернего света слишком многое.

А другой человек мог прийти утром.

Или не прийти вовсе.

Анна заставила себя уйти.

Всю дорогу домой она злилась.

Не на мистера Бейкера.

Не на незнакомца.

На себя.

За то, что снова позволила ожиданию стать важным.

Дома она приготовила чай и забыла о нём. Когда вспомнила, он уже остыл именно так, как она любила.

Анна выпила половину.

Остальное вылила.

На следующий день лавка открылась.

Мистер Бейкер сидел за стойкой. Выглядел он уставшим, под глазами залегли тени. Рядом с локтем стояла чашка, к которой он почти не притронулся.

Анна хотела спросить, всё ли хорошо.

Не решилась.

Только поздоровалась тише обычного.

Он посмотрел на неё внимательнее, чем всегда, и кивнул с той особенной мягкостью, какой люди отвечают, когда замечают чужую деликатность.

Анна направилась к своему столику.

И тогда увидела его.

У дальней полки, возле окна, стоял мужчина в тёмном пальто.

Волосы у него ещё были влажными после улицы. На щеке осталась тень от прилипшей пряди. В руках он держал тонкую книгу в бумажной обложке, но смотрел не в неё, а куда-то мимо страниц.

Лицо у него было спокойное.

Немного усталое.

Анна не хотела задерживать взгляд.

И всё же заметила в его пальцах узкую полоску бумаги — такую же, какие лежали на столике для закладок.

Край был смят.

Мужчина, должно быть, слишком долго держал её в руке, прежде чем решился куда-то положить.

Сердце Анны дрогнуло.

Совсем немного.

Потом ещё раз.

Это могло ничего не значить.

В лавке многие брали бумажные полоски. Люди отмечали ими страницы, записывали цены, названия книг, адреса.

Мир не обязан был сходиться в тихие чудеса только потому, что ей вдруг очень этого захотелось.

Она отвернулась.

Подошла к столу.

Сняла перчатки.

Одну в другую.

Большой палец расправить.

Шов пригладить.

С первой попытки не получилось.

Пальцы торопились.

Анна начала снова.

Только на третий раз руки стали послушнее.

Она открыла книгу.

Внутри лежала записка.

Простите. Вчера я не смог прийти.

Анна перечитала.

Потом ещё раз.

Не «не смог ответить».
Не «не получилось написать».
Не смог прийти.
В груди стало тесно.
Она закрыла глаза.
Всего на секунду.
Как будто в знакомой мелодии внезапно прозвучала нота, которой не хватало с самого начала.
Анна не обернулась.
Села.
Взяла карандаш.
Написала медленно, стараясь, чтобы рука не выдала её смущения:
Я почему-то волновалась.
Слово «почему-то» ей не понравилось.
Она едва не зачеркнула его.
Но оставила.
Сложила записку, положила в книгу и закрыла её.
Только тогда подняла взгляд.
Мужчина смотрел на неё.
Не смело.
Не прямо.
Скорее осторожно — так смотрят на что-то хрупкое, к чему давно хотелось приблизиться, но страшно сделать это слишком резко.
У него были светлые, усталые глаза.
И почти виноватое выражение лица.
Как у человека, который долго говорил с ней из полумрака, а теперь боялся, что на свету окажется грубее, проще и беднее, чем был между строк.
Анна боялась того же.
Не его.
Того, что голос разрушит тишину.
Что реальность окажется громче их бережности.
Что человек у окна посмотрит на неё немного дольше и поймёт: на бумаге она была лучше.
Спокойнее.
Точнее.
Достойнее ожидания.
Мужчина первым отвёл взгляд.
Подошёл к столику с закладками. Взял чистую полоску бумаги.
Несколько секунд стоял неподвижно.
Потом написал что-то.
Зачеркнул одно слово.
Словно смутился самого зачёркивания, хотя Анна видела только движение руки.
Сложил лист.
Положил рядом с книгой.
Не поднимая глаз, направился к двери.
У порога остановился.
Анна подумала, что он всё-таки обернётся.
Он только поправил воротник.
Колокольчик звякнул над ним едва слышно.

Мужчина вышел в вечерний дождь — уже почти тёплый, весенний.

Анна подождала.

Сначала слышала, как стихли его шаги.

Потом досчитала до пяти.

Только после этого взяла записку.

Развернула.

Я не знал, можно ли разрушать то, что было таким тихим. Но мне очень хотелось увидеть, как вы улыбаетесь не на бумаге.

Ниже осталось зачёркнутое начало:

если это не слишком...

Дальше он не дописал.

Анна села.

Не потому, что это было слишком много.

Потому что оказалось ровно столько, сколько она могла выдержать.

В лавке по-прежнему пахло книгами и влажным деревом. Мистер Бейкер переставлял коробки в подсобке. За окном капли держались на тонких ветвях.

Мир не изменился.

С улицы донёсся звон трамвая.

Кто-то быстро прошёл под окном, прижимая к груди свёрнутую газету.

На прилавке у мистера Бейкера лежали неоплаченные счета.

И всё же прежним мир уже не был.

Анна взяла карандаш.

Рука дрогнула.

Совсем немного.

На новой полоске бумаги она написала:

Тогда приходите завтра. Я постараюсь улыбнуться не только на бумаге.

Подумала.

Перечитала.

Слово «постараюсь» показалось ей слишком осторожным.

Но оно было честным.

Ниже, чуть мельче, она добавила:

Меня зовут Анна.

Записку Анна не стала прятать между страницами.

Оставила сверху.

Открыто.

Перчатки лежали рядом, одна в другой, но большой палец снова вывернулся наружу.

Анна заметила.

И впервые не стала его поправлять.

Она надела пальто, попрощалась с мистером Бейкером и вышла.

Дождь почти закончился.

Мостовая блестела под фонарями. Из гавани тянуло солью и холодной водой. В тёмных окнах напротив отражался свет лавки.

Анна остановилась возле витрины.

В деревянном ящике одна из почек раскрылась.

Совсем немного.

Тонкий зелёный край показался между тёмными чешуйками.

Она посмотрела на него.

Потом — на старую книгу за стеклом.

На белую полоску бумаги, лежавшую поверх вытертого переплёта.

Впервые не спрятанную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.